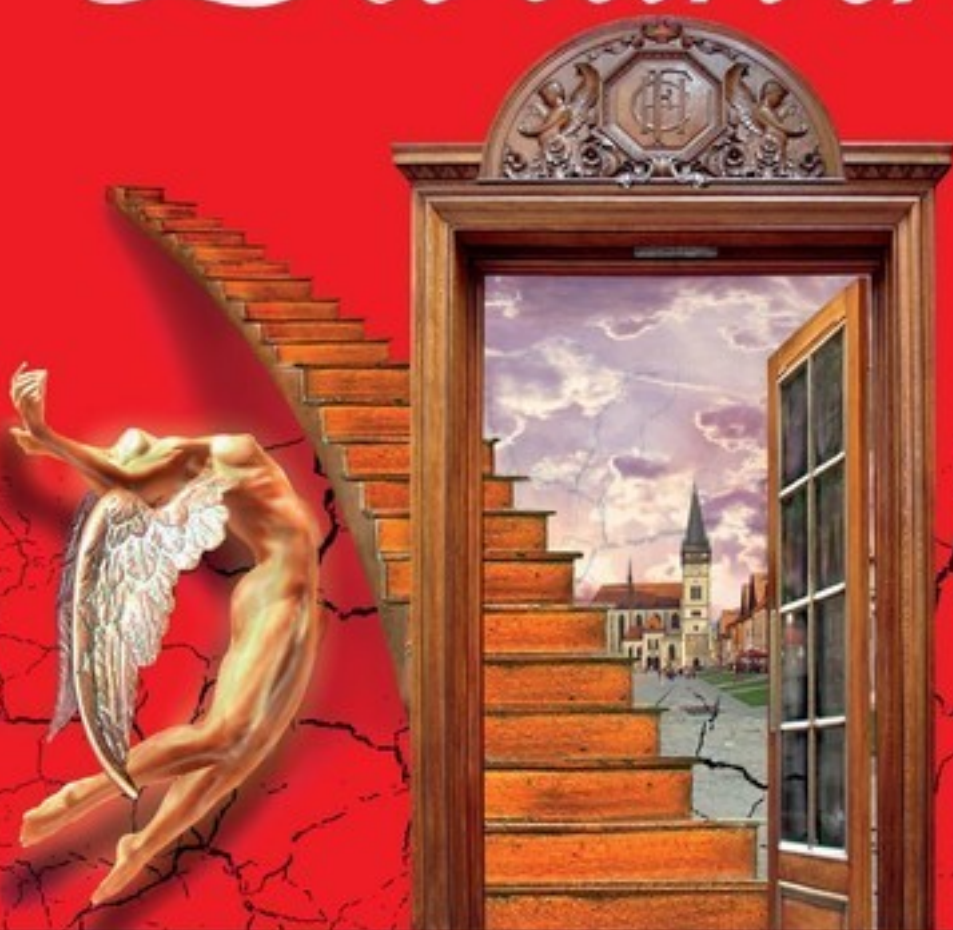

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

ЭКСМО

Лучшие Уходят
Первыми

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Лучшие уходят первыми

«ЭКСМО»

2012

Бачинская И. Ю.

Лучшие уходят первыми / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2012 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-699-59887-8

Тринадцатого июня в полночь в Черном урочище собралось тринадцать человек. Жгли костер, сидели на траве. Потом они разъехались, а у догорающего огня осталась лежать мертвая женщина, завернутая в черную ткань. Ей нанесли тринадцать ударов ножом... Саша наконец-то закончила перевод любовного романа английской писательницы и решила это отпраздновать. Телефон лучшей подруги не отвечал, но Саша не удивилась: у Людмилы был в разгаре роман с шефом, она даже собиралась за него замуж. Ее не смущало, что директор их телекомпании безнадежно женат на Регине, главе лучшего в городе дома моды, а та своего не отдаст... Саша еще не подозревала: когда она слушала в трубке длинные гудки, Люська уже лежала у догорающего огня, завернутая в черную ткань...

ISBN 978-5-699-59887-8

© Бачинская И. Ю., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Инна Бачинская

Лучшие уходят первыми

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

Черная месса

*Ночь – хоть ясная – ненастна.
Россыпь ярких звезд – ужасна.
Помертвели ореолы,
Пали светлые престолы;
Не надеждою полны,
А кровавы и мрачны
Их лучи – чума и пламя,
Вечно властные над нами.*

Эдгар По. Духи мертвых

...Тихая и прохладная ночь молодого лета. Полнолуние. Тринадцатый день шестого месяца. Луна словно ослепительная ладья Иштар в черном небе. Ее отражение в темных водах лесного озера...

Тринадцать человек на поляне Черного урочища. В капюшонах, скрывающих лица, в черных балахонах до пят. Бесформенные, безликие, в ртутном лунном сиянии...

Великий магистр стоял поодаль, сложив руки на груди. На его голове тускло сверкал металлический обруч с массивными рогами тура, лицо скрывала черная маска. От тяжести головного убора, высокомерия и привычки повелевать голова его была запрокинута назад. Каждая складка его длинной черной одежды, пугающая неподвижность манекена, торчащие в стороны изогнутые бычьи рога наводили ужас, они кричали о том, что посланец из преисподней поднялся в наш мир...

Двое возились с костром. Остальные неподвижно стояли вокруг. Вязкая кладбищенская тишина скрадывала звуки – ни шороха, ни треска ветки, ни вздоха не раздавалось в страшном месте. Черное урочище оправдывало свою дурную славу...

Костер наконец занялся. Поленья, облитые бензином, вспыхнули, и оранжевое пламя взметнулось в небо. Великий магистр призывно взмахнул руками. Люди в черных балахонах медленно приблизились к костру, волоча за собой длинные шлейфы. Холодная ослепительная луна, оранжевое пламя костра, фейерверк искр в черном небе рождали томительное предчувствие беды, казалось, все зло мира спешит на шабаш в Черное урочище...

Внезапно в лесу раздался тоскливый волчий вой, а затем пронзительный крик, полный ужаса. Кричала женщина. Фигуры в балахонах шевельнулись, прислушиваясь. Крик больше не повторился...

Темнота вокруг костра сгустилась. Пламя плясало, с треском пожирая дерево. Ожидание становилось невыносимым...

Великий магистр поднял руку с зажатым в ней сверкающим предметом. Низкий звучный рык прокатился по лесу: «*Братья!*» Ему ответил протяжный вой невидимого животного. «*Он здесь!* – новый торжествующий рык. – *Он пришел! На колени перед владыкой!*»

Черные безглазые фигуры стали неловко опускаться на колени. Великий магистр страстно заговорил, воздев руки к луне: *«Поклонимся владыке! Поклонимся великому! Попросим защиты у него и дадим ему кров в наших сердцах! В наших мыслях! В наших делах!»*

Громовой голос Великого магистра волнами ударял в стену леса и рождал рокошующее эхо. Эхо мчалось по лесу, пугая и тревожа спящих птиц и животных.

Великий магистр кричал, вздымая руки. Черные фигуры, понурясь, слушали. Вдруг он замолчал и замер с поднятыми руками. Отблески огня вспыхивали на полированных турьих рогах. Вновь тишина камнем упала на поляну. Черные фигуры подошли ближе и взялись за руки, образовав замкнутый круг.

«Жертву!» – взревел Великий магистр, и верхушки деревьев качнулись. Двое вышли из круга. Остальные смотрели им вслед через узкие прорези в капюшонах...

Глава 1

Страшная находка

Дед Андрон был неординарной личностью. От природы ему достались руки, которыми мог починить все на свете – от электрического утюга до иномарки. Причем без всяких чертежей и инструкций, а исключительно благодаря природной смекалке. Он мог ходить в золоте, но ему было неинтересно работать как все люди, ему нравилось создавать. Электроутюги и всякую дребедень он чинил только для того, чтобы соседи отвязались и жена не ругалась, а мысли, весьма далекие от процесса починки, резво крутились в его лохматой голове. Он придумал и построил собственный паровой автомобиль, на котором ездил целую неделю, подробно объясняя желающим, как он устроен. Потом автомобиль ему надоел, и он отдал его соседским мальчишкам. После автомобиля он построил во дворе ветряк, который в ветреные дни производил электричество и подзаряжал аккумуляторы всем желающим. Механизм ветряка искрил, и в один прекрасный день случился пожар. Ветряк сгорел, но, к счастью, никто не пострадал.

Потом Андрон изобрел ловушку для шаровой молнии и однажды чуть было не поймал, да Бог миловал. Потом увлекся радиотехникой и цветомузыкой. Потом стал искать клады. Купил на ярмарке краденый военный миноискатель и совсем тронулся умом, по выражению жены. Облазил все овраги вокруг города, старое городище, пляжи, огороды и нашел авиабомбу. Авиабомба сидела глубоко в земле. Из-за темноты раскопки пришлось прекратить, а ночью бомба самопроизвольно взорвалась. По тревоге были подняты отряды МЧС, ОМОНа, милиция и стройбат, квартировавший в пригороде. Рядом с воронкой нашли еще одну бомбу, которая по счастливой случайности не сдетонировала.

Андрон после этой истории ходил смурной и писал объяснительные по поводу незаконного владения военной техникой в виде миноискателя, который сразу же конфисковали в присутствии понятых.

Андрону исполнилось восемьдесят два года, и все называли его дед Андрон. Он был сухой, жилистый, очень подвижный, дружил с мальчишками, которые собирались у него с самого утра на радость родителям, так как не шлялись по улицам без присмотра, не курили и не пили. Дед Андрон был аскетом, ел мало, не курил, не употреблял спиртного, спал всего четыре часа в сутки. Пятнадцать лет назад вообще стал вегетарианцем. Два года назад Андрон взялся за строительство летательных аппаратов. Сначала это были крылья, потом легкие конструкции вроде планеров. Последнюю модификацию такого планера Андрон и ребятня отправились испытывать в Черное урочище, где удобно расположилась скала, а под ней – поляна. По замыслу участников, летательный аппарат поднимался на верхушку скалы, дед-птица в летном шлеме и очках-стрекозах усаживался в кресло пилота, включал мотор, и самолетик снимался в свободный полет над поляной.

Испытательная команда состояла из трех человек: самого испытателя-конструктора деда Андрона и двух юных последователей, Стасика и Леньки, десяти и двенадцати лет от роду. Команда двинулась в путь в пять утра четырнадцатого июня, в субботу, на старом «Москвиче» деда Андрона, к которому была прицеплена тележка с летательным аппаратом в сложенном виде. Спустя час «Москвич» достиг испытательного полигона и был запаркован под трехсотлетним дубом – местной достопримечательностью. Поляна была большая, почти идеально круглая – вокруг стоял густой лес. С ее восточной стороны высилась гранитная скала, исписанная разными словами, именами и памятными датами, с западной лежало Черное озеро, по слухам бездонное. В свое время Андрон изобрел эхолот, который опускал в озеро, надеясь найти там какое-нибудь дожившее до наших дней реликтовое животное, но так и не нашел.

Утро выдалось прохладное и очень тихое. Легкий туман стоял в лесных низинках и над озером. Трава была влажной от росы. Пробовали голоса ранние птицы. В такие утра испытываешь удивительную благодарность за то, что живешь на свете, и умиленную радость от белого, холодного еще солнца – предвестника прекрасного летнего дня. Посреди поляны, там, где обычно раскладывают костер гуляющие компании, высилась кучка золы и пепла. Пара не до конца сгоревших поленьев еще дымилась – тонкая струйка сизого дыма тянулась кверху.

– Дед Андрон! – закричал вдруг Стасик. – Там кто-то лежит!

– Где? – обернулся Андрон.

– За костром!

Черный длинный неподвижный предмет по ту сторону кострища действительно напоминал лежащего человека.

– Всем оставаться на местах! – строго приказал дед Андрон и пошел на разведку.

* * *

Спустя час поляна заполнилась людьми и голосами. Гудели моторы подъезжающих машин. Щелкали фотокамеры. Один из оперативников опустился на колени перед человеком, завернутым в черное покрывало, осторожно потянул за край ткани. В покрывале оказалась молодая женщина. Ее светло-карие глаза невидяще смотрели в небо, выражение строгой сосредоточенности застыло на лице. Длинные каштановые волосы разметались по грубой ткани. Оперативник присвистнул, увидев следы ножевых ранений на груди и животе. Судмедэксперт по фамилии Лисица уже доставал из своего чемоданчика инструменты.

Дед Андрон и ребята, сгорая от ужаса и любопытства, путались у всех под ногами до тех пор, пока молодой человек, представившийся сотрудником Заречного РОВД капитаном Алексеевым, не пригласил их в служебный джип на предмет дачи свидетельских показаний.

– Я ее первый заметил! – Стасика распирало от гордости и возбуждения.

– Давайте по порядку, – сказал капитан Алексеев. – С самого начала. По очереди. Как вы сюда попали, Андрон Николаевич?

И пошло-поехало. Зачем да почему, да в котором часу, да не заметили ли кого-нибудь поблизости, не находили ли, не трогали, не топтали, не подбирали.

Стасик уже в десятый раз повторил, как он посмотрел на костер и вдруг увидел... И как закричит! А дед Андрон оставил их сторожить, а сам поехал звонить в полицию – свой мобильник он забыл дома. Они подошли ближе посмотреть, а она как зашевелится!

– Ребята! Я рад, что на месте происшествия оказались такие сознательные люди, как вы, – сказал капитан Алексеев. – Для следствия важна любая мелочь, любая подобранная с земли бумажка, обрывок трамвайного билета, оторванная пуговица, сигарета. Даже обгоревшая спичка очень важна, так как может привести на след преступника. Понятно?

Свидетели кивали, что понятно, но, к сожалению, ничего из вышеупомянутых предметов на поляне ими найдено не было.

– Честное слово! – клялся Стасик. – Мы тут все облазили!

Последнее заявление противоречило предыдущему утверждению о том, что они сидели смирно и ждали, но Алексеев не стал уточнять, прекрасно зная, как ненадежны бывают свидетели и как путаются они порой в собственных показаниях.

В протоколе осмотра места происшествия было отмечено, что около полуночи на поляне находилась большая группа людей, примерно десять-двенадцать человек, приехавшая на двух автомобилях, которые были запаркованы под скалой. Люди жгли костер на поляне из привезенных с собой поленьев. Поленья были облиты бензином для скорейшего возгорания. Судя по следам на траве, люди в основном стояли. Или сидели. Что они там делали – непонятно. Около

костра был обнаружен обнаженный труп женщины лет тридцати – тридцати пяти с тринадцатью ножевыми ранениями в области груди и живота, завернутый в лоскут шерстяной ткани черного цвета. На груди женщины лежал разорванный кожаный шнурок с серебряной подвеской в виде черепа. Смерть наступила около полуночи или несколько раньше в результате удара ножом в сердце. Остальные двенадцать ран носят поверхностный характер и причиной смерти не являются. Незадолго до смерти жертва приняла снотворное, находившееся, по всей видимости, в кофе. Личность убитой выясняется.

Глава 2

Переводчица (часть I)

Телефон трезвонил без передышки. Умолкал на минуту и взрывался снова. Я упорно притворялась, что меня нет дома, прекрасно зная, кто звонит. Людей, которым я нужна в восемь утра, можно пересчитать по пальцам. Да и в другое время дня и ночи тоже. Один из них – главный редактор издательства «Арт нуво» Савелий Зотов, которому я неделю назад твердо пообещала закончить перевод романа Кэтлин О’Брайен «Навеки вместе». Срок, предусмотренный контрактом, истек две недели назад. Савелий не стал поднимать шума – у нас прекрасные деловые отношения. Я вкалываю на них уже шесть лет. Работа клевая, хотя случаются, разумеется, и профессиональные трудности. То книжка совсем дурацкая даже для масскульта, то непередаваемые технические детали в описании огнестрельного оружия бруклинских мафиози начала прошлого века или кабины космического корабля далекого будущего со всякими прибамбасами и наворотами, которых пока нет в толстых технических словарях.

То ли дело любовные романы! Вот где можно гнать туфту, извините за выражение. Легкая необременительная работа, даже приятная, особенно вначале, когда сюжет видится еще в тумане. Вообще, все женские романы выстраиваются по одному сюжету, знакомому до боли. Одна из героинь Агаты Кристи, писательница, однажды призналась, что все ее романы – это по сути одна и та же книжка, но читатели об этом даже не подозревают.

Героини, как на подбор богатые красавицы, проводят время на международных лыжных курортах, одеваются у знаменитых кутюрье, каждую ночь тусуются на дипломатических приемах и подвергаются домогательствам разных негодяев. Или наоборот: бедные, скромные, трудолюбивые, добрые, но тоже подвергаются домогательствам негодяев.

Сюжеты «моих» книжек тоже не блещут разнообразием. Самый востребованный из них – история Золушки. На современном этапе – с криминальными добавками. Судьба красивой, но бедной девушки или (усложним задачу!) некрасивой, бедной, невезучей, но умной, которая вдруг!.. О чудо! Блестящая метаморфоза в результате неутомимой работы над собой. И любовь, любовь, любовь! Море любви. Учитесь, бедные, некрасивые, невезучие! Это классика, это всегда идет на ура.

На втором месте – сто тысяч пятьсот тридцать седьмая версия бессмертного графа Монте-Кристо! Страшная месть. Его унизили, оскорбили, испоганили доброе имя, убили брата, он набрался сил, пришел и всем отомстил. И любовь, снова любовь и опять любовь!

Затем супермен. По убойной силе сюжет о супермене может тягаться лишь с сюжетом о Золушке. Обыкновенный человек, живет тихо, никого не трогает, днем работает бухгалтером на обувной фабрике, а ночью переодевается в красивый черный костюм, надевает маску, ходит по улицам и выручает попавших в беду девушек. Обладает всякими необычными свойствами вроде умения прыгать с крыши на крышу, бегать по стенам и заглядывать в окна. Плюс любовь.

Агент ноль-ноль семь. Рыцарь плаща и кинжала, агент Интерпола, международного отдела британской МИ-6, французской Сюрте, испанской... как ее? И так далее. Борющийся за справедливость во всем мире, против маньяков, шпионов и терроризма. Погони, стрельба, красивейшие порочные и беззащитные женщины в бриллиантах, автомобили экзотических марок, баснословно дорогие шестизвездочные отели и приемы в королевских дворцах. Роджер Мур, Шон Коннери, Тимоти Далтон, Пирс Броснан... Ох!

А как они дерутся! Это же с ума сойти, как они дерутся! У каждого полные карманы новомодных примочек для убийства, а они молотят и дубасят друг друга с убойной силой пещерного человека. Красивая драка – украшение любого романа, не говоря уже о кино.

Еще, пожалуй, несчастная любовь. Она любит, а он нет. Тоже классика.

Вот и все сюжеты, пожалуй. Ах да! Частный детектив. Бывший мужской жанр. Теперь – унисекс. Сильный, честный, дерется. Волк-одиночка. Несчастлив в любви или счастлив, но недолго. Читательницам не нужны счастливые герои, обремененные женой, детьми, не говоря уже о внуках. Давно замечено, что девяносто девять романов из ста заканчиваются маршем Мендельсона. Заканчиваются! Потому что дальше уже никому не интересно. Да и сказать, по сути, нечего. Дальше – рутина, все как у людей...

Английская писательница Кэтлин О'Брайен придумала героя по имени Майкл Винчестер, очередного агента Интерпола и отдела МИ-6 Министерства иностранных дел Великобритании, мужественного красавца, очередную модификацию Джеймса Бонда. «Навеки вместе», третий роман о Майкле, который я перевожу, повествует о схватке Майкла с международным террористом Уго Ривальесом, младшим братом печально известного Рамиреса Шакала.

Вы же понимаете, что драки, терроризм, снайперы на крышах – все это интересно лишь в качестве гарнира, а главное – любовь! Любовь как роза красная... Какой дамский роман без любви? Героиня романа – француженка Элен Моррисет, известная скрипачка, случайно пересекается с Майклом во время музыкального фестиваля в Берлине и помогает ему скрыться от головорезов Уго. Винчестер и Уго преследуют друг друга по очереди. Теперь негодяй Уго преследует их обоих. Они летят с парашютом в парном затяжном прыжке, пробираются по зловонным трубам очистных сооружений Будапешта и мчатся на автомобиле по трюцобам нью-йоркского Гарлема. В конце концов Уго попадает в хитроумную ловушку, расставленную Майклом, и его хватают сотрудники Интерпола.

Финальная сцена: прощание Майкла и Элен, место действия – Формоза.

– Мой личный самолет доставит вас в Париж, – говорит Майкл глухо.

– А вы? – шепчет Элен, потупясь.

– Меня ждет новое задание, – отвечает он.

Вдали виден черный лимузин с погашенными фарами. Они вспыхивают и снова гаснут.

– Я не хочу... – Голос девушки прерывается. – Я люблю вас, Майкл!

– Моя дорогая, – отвечает он небрежно, – мы неплохо провели время, но я... не люблю вас!

Рыдающую француженку уводят. Майкл смотрит ей вслед. На глазах его слезы... Он думает о...

Тут бодяга насчет того, о чем он думает, а думает он о том, что он – волк-одиночка, орел в вечном полете, живет без тепла и любви, на грани фола, без привязанности, так как любая привязанность – это слабость, а в его жизни слабостям нет места. И если однажды он не вернется с боевого задания, то никто не заплачет и не принесет цветы на его могилу...

Это вкратце. Кэтлин растянула сцену прощания на двадцать две страницы. Описание расставания героев в книжке английской писательницы могло бы исторгнуть слезы даже из камня.

Я помню, как рыдала над каждым романом в самом начале своей карьеры, как мчалась в библиотеку, переворачивала горы словарей в поисках одного-единственного подходящего по смыслу слова, как чуть ли не среди ночи звонила профессору английской литературы родной кафедры, вызывая недовольство и подозрения его жены. Словом, вела себя как идиотка. Все это в далеком прошлом. Я достигла таких высот перевода, что иногда дописываю диалоги героев романа, делая их более выразительными, или употребляю более сильные слова и выражения. Причем совесть меня совершенно не мучает – я же не напрашиваюсь в соавторы! Конечно, можно влететь, но кто будет проверять?

Савелий, как мне кажется, о чем-то догадывается, во всяком случае, он часто повторяет, что у меня буйное воображение. «Арт нуво» выдает на гора до тридцати новых названий в месяц, разве за всем уследишь?

На последней сцене я застряла. Майкл, меняющий смокинги, лимузины, оружие и женщин, скачущий на арабском жеребце по крыше Вестминстерского аббатства, висящий на крыле самолета над небоскребами Гонконга, падающий через стеклянные крыши в бассейны с рыбками, слегка... как бы это сказать... утомил меня. Набил оскомину. Если честно, меня уже тошнило от него. И от этой безмозглой скрипачки. Неужели непонятно, что такие, как Майкл, не созданы для семейного счастья, а самое большее, на что они способны, – это смотреть ей вслед со слезами на глазах, да и то она об этом даже не догадывается! Какая семья, какие дети?

А может, я просто ревную?

Вокруг меня – нормальные мужики с маленькими глазками и хроническим насморком, кривоногие и лысые. А тут Майкл Винчестер в белом смокинге. Нету правды жизни в ваших романах!

А может, и не надо? Праздника хочется!

Я падаю в кресло перед компьютером, который вообще никогда не выключается – что-то там заклинило. Шевелю мышью. Открывается текст последней главы перевода нетленки Кэт О'Брайен, начатый неделю назад. Кстати, а почему «Навеки вместе»? Они же расстались, в конце концов. Я давно заметила, что название романа зачастую не имеет ничего общего с содержанием. Я бы назвала роман иначе. Как? Нужно подумать. Ну, например...

– Так, уважаемая девица Окулова (так называет меня креативный Савелий Зотов), – одергиваю я себя, – если ты сию минуту не закончишь перевод и сегодня же не отнесешь его Савелию, то останешься без работы. Сейчас только ленивый не переводит. И не пишет романы, кстати. Ну, поехали!

Сделав над собой усилие, я закончила перевод в тот же день. В девять вечера я переступила порог главного редактора. Савелий раньше полуночи с работы не уходит, а иногда там же и ночует. Ходят слухи, что в стенном шкафу хранится весь его небогатый гардероб, включая носки и пижаму.

Мы попили чаю с каменными пряниками. Савелий был озабочен, я – счастлива как человек, выполнивший свой долг и могущий позволить себе пару дней «дольче фар ниенте». Завтра прямо с утра забегу в бухгалтерию за деньгами – и в загул! Позвоню Люське, уговорю ее смотаться на реку, поваляться на пляже. Или можно еще прошвырнуться по лавкам, пообедать в хорошем ресторане и сбегать к косметичке.

«Эх, хорошо-то как!» – воскликнула когда-то героиня одного старого фильма. «Эх, хорошо-то как!» – думала я, гоняя чай с Савелием, грызя каменный пряник, пахнущий мышами, и ощущая приятную расслабленность во всем организме и благодарность к кому-то, кто за все в ответе. Прощай, Майкл Винчестер! Good bye, my love, good bye!¹ Ты неплохой парень, даже отличный, но по жизни так не бывает. Хоть ты тресни!

Домой я добралась около одиннадцати. В гастрономе по соседству накупила понемножку всяких копченостей, которые укорачивают жизнь, горячий хлеб и торт «Метро», где слои крема перемежаются с абрикосовым повидлом. Ощущение «эх, хорошо-то как» не только не прошло, но и усилилось. Я красиво разложила снедь в тарелки, отступила от стола и взволнованно замерла. Полюбовавшись, щелкнула кнопкой электрочайника и побежала переодеваться. По дороге решила пригласить на ужин Людмилу. Начало двенадцатого – детское время для творческого человека.

В телестудии ее не было. Недовольный женский голос сообщил, что Людмила Константиновна «давно ушли». Ушли?

Я набрала Люськин мобильник, и оператор сообщил мне, что абонент вне пределов досягаемости. Домашний телефон долго не отвечал, а потом предложил оставить сообщение на автоответчике.

¹ Прощай, моя любовь! (англ.)

– Люсенька! – закричала я, надеясь, что она все-таки дома и, услышав мой голос, снимет трубку, но ее никто так и не снял.

Разочарованная, я уселась за ужин в одиночестве.

Кажется, я сегодня не завтракала. Голод у меня обычно прорезается ближе к ночи. А самый жор – в полночь. Я достала коньяк – подарок Савелия – и рюмку. Коньяк шарахнул по мозгам, жидкий огонь рванул внутрь, я закашлялась и расхохоталась.

– Что человеку нужно? – философствовала я с набитым ртом. – Хлеба и зрелищ. Интернет, книги и TV. Еще Люська, работа, Савелий...

И Майкл Винчестер! Я привыкла к нему, как наркоман к зелью. Он дает мне то, чего у меня никогда не было: блеск, остроту жизни, приключения и любовь! Майкл Винчестер как лекарство от одиночества. Эх, Майкл!

В итоге я наелась, как удав. От коньяка окружающая реальность потеряла настройку, картинка перевернулась, и в голову полезли всякие мысли... вроде того, что жизнь моя – сплошной негатив, сплошные «нет»... Мужчины нет, семьи нет, детей нет, денег тоже нет. Однажды Савелий попытался остаться на ночь, что вызвало у меня сначала изумление, а потом приступ дурацкого хохота.

– Дуреха, – беззлобно сказал он тогда, – неужели одной лучше?

Не знаю. Если посмотреть с точки зрения... этой... вечности и... и философии... да, философии... то, может, и лучше, и «свобода» все-таки... сладкое слово, а с другой стороны... как посмотреть! Мысль вилась затейливо, ускользала и не давалась.

Спать, спать, спать! А завтра прямо с утра – на диету!

Упав в кровать, я зевнула и щелкнула пультом, чтобы взглянуть... одним глазком... одним... одним...

Бодрый женский голос радостно прокричал рекламный слоган, и я отключилась.

И приснился мне Майкл Винчестер... Мы, держась за руки, бежали от кого-то или за кем-то по длинному мрачному коридору. Пули свистели у виска и чиркали в стены, а мы все бежали, охваченные радостным ужасом, бежали так, как бегут только во сне – оставаясь на месте.

На мне было потрясающее платье – красное, с открытой спиной, и скромное бриллиантовое кольцо...

Глава 3

Переводчица (часть II)

Кажется, я забыла представиться. Меня зовут Александра Окулова. Девушка Окулова, как называет Савелий Зотов. Впрочем, я, кажется, об этом уже упоминала. «Девушка Окулова»... Даже красиво. В отличие от Акулы со времен детского садика. Уж лучше я бы и на самом деле была Акуловой, не так обидно. Прозвище Акула наводит на мысль о прозорливости, жадности и глупости. *Номен ист омен*, как говорили древние. Имя – судьба. Как можно полюбить женщину с такой кличкой? Или воспринять серьезно? И так всю жизнь.

Нет, не из-за клички, конечно. В жизни все должно происходить вовремя. Надежда и любовь – в молодости, опыт и уверенность в себе – в зрелом возрасте, достоинство увядания – в послезрелом. «Научи меня, лес, увядать без печали», – сказала одна болгарская поэтесса балзаковского возраста. До увядания еще далеко – мне тридцать три. Всего или уже. Зависит от настроения. В припадке оптимизма я думаю: «Только тридцать три! Все впереди!» В депрессии: «Уже тридцать три! И ничего нет впереди, кроме Майкла Винчестера. Проходит жизнь, проходит жизнь...»

Десять лет назад я закончила институт нашего пединститута, ныне университета. Английский и немецкий. Три года в школе, потом меня сократили как самую молодую и бессемейную, и я перешла на вольные хлеба. Делала переводы для бюро патентов, контрольные для нерадивых заочников, репетиторствовала, а летом подрабатывала гидом-переводчиком. В один прекрасный день моя подруга Людмила Герасимова, восходящее светило местной тележурналистики, сунула мне роман американки Энн Тайлер «Турист поневоле» и заявила, что поручилась за меня перед главным редактором «Арт нуво» Савелием Зотовым. Пригрозила, что это мой последний шанс и если я, как последняя дура и лентяйка, буду валять дурака, то... «Имей в виду, – сказала Людмила, – прощелкаешь – убью!»

Роман мне понравился, и я засела за перевод. Оказалось, что пяти лет в вузе, увы, недостаточно для понимания нюансов художественного текста. А для перевода желательно владеть также и родным языком, причем литературным. Если кому-то кажется, что это легко, пусть попробует. Мучаясь креативным поиском и переписывая по десять раз один и тот же эпизод, я оценила возможности компьютера, который безропотно терпел все. А также впервые почувствовала восхищение перед гигантами перевода, о которых никто и не вспоминает, если перевод хороший. А если плохой, то спрашивают, какой сапожник это переводил, и листают книжку в поисках фамилии.

С тех пор много воды утекло. Мне, конечно, далеко до гигантов перевода, но слова вылетают из-под пера довольно бойко. Главное – ухватить суть и не цепляться за отдельные слова. Дать фантазии расправить крылья и воспарить.

Главная прелесть моей деятельности – свобода! Не нужно вставать ни свет ни заря, мчаться сломя голову в дождь и снег в городском транспорте на службу, и начальника над тобой нет. Один Савелий Зотов, лапочка.

Я – одинокая девушка. Прав Савелий. В свои тридцать три. Почему? Черт его знает, почему. Сначала казалось, все впереди. А потом... даже не знаю. А время бежало, часики тикали. В итоге – поезд ушел, а я осталась. Не успела вовремя, не повезло, сама не знала, чего хочу, ждала Майкла Винчестера. Да мало ли?

На институте учились почти одни девочки, за что его называли женским монастырем, а тех двух мальчиков, что имелись в моей группе, можно было не считать. Одного звали Тимур Абашидзе, другого – Юра Шлычкин. Тимур запомнился мне добродушнейшим на свете существом, томным красавчиком и записным сплетником. Его мамой была приятная русская дама, а

папой – грузин, бравый военный, полковник, кажется. Тимур любил наряды, как девочка, и всякие блестящие побрякушки – сверкающие шариковые ручки, брелоки, перочинные ножички, стеклянные шарики, которые он все время подбрасывал на ладони. У нас с ним случился роман на третьем курсе. Я помню, как мы целовались у каждого столба по дороге домой. Тимур был прекрасен, как сказочный принц: выразительные темные глаза, прекрасной формы рот, крупный, с горбинкой, нос, великолепный рост. Любимое дитя природы. По закону компенсации и равновесия начал в природе умом он не блистал, до интеллектуалов с физмата ему было далеко, но кому бы пришло в голову ожидать от него полета мысли при такой внешности? Роман наш после трех недель отцвел и сошел на нет. Сейчас Тимур видный политический деятель. Такой же красавчик. Лидер какой-то партии, в которой, я уверена, женщин больше, чем мужчин.

Юра Шлычкин, в отличие от Тимура, был беспородным, бесцветно-белобрысым парнем, молчаливым и незаметным. Учился он, правда, хорошо. Имелись еще мальчишки с физвоспитания и физмата, а также курсанты высшего летного училища. Только самая неповоротливая студентка не вышла замуж за свежее испеченного лейтенантика. Я тоже встречалась с курсантом – маме он очень нравился, но на учениях мой мальчик ударился головой о какую-то металлическую балку, получил сотрясение мозга, и его отчислили. Потом он признался мне, что никакого сотрясения мозга у него не было, просто он испугался. В учебном полете разбился старшекурсник, и вся романтика на этом для него закончилась. Сейчас я могу его понять, но тогда мне было безумно стыдно. Я мямлила что-то вроде того: да, понимаю, мол, и прятала глаза. Дура, конечно...

Почти три года я встречалась с женатым преподавателем математики из школы, где работала после института. Математик был умен, начитан и демократичен. На работу он ходил в джинсах и свитерах до колен и выглядел как студент. Манеры у него тоже были студенческие. Ученики обожали его за чувство юмора и нестандартное поведение. А он ходил с ними в походы и пел песни у костра. Мы встречались на даче его тетки. По вторникам и пятницам, с двенадцати до трех. Я все ждала, что он разведется и женится на мне, но ему было хорошо и так. Потом ему пришлось уйти из школы за роман с ученицей. Был скандал, в итоге он расстался с женой и женился на этой девочке. Я рассказывала ему о своей новой работе, о трудностях перевода, втайне надеясь, что он скажет что-нибудь вроде: молодчина, так держать, я тобой горжусь, а он в это время за моей спиной встречался со школьницей.

Около полугода я зализывала раны, утешала оскорбленное самолюбие и сочиняла сцены нашей возможной встречи в будущем. Я представляла, как скажу ему: «Подонки! Какой же ты все-таки подонки!» Или: «Как ты мог?» Или окину уничтожающим взглядом и молча пройду мимо. Или проеду на машине. На иномарке. Люська сказала: забудь, все мужики скоты! Не все! Майкл Винчестер, например, не скот. Но Майкл – штучная работа. Не с нашим счастьем.

Потом случилась еще пара скоротечных романов, которые даже в пору расцвета оставляли чувство недужности и увечности.

Около полугода назад я наткнулась в кафешке на Парковой, куда забежала выпить кофе, на Юрку Шлычкина. Кто-то окликнул меня, я оглянулась. Незнакомый мужчина смотрел на меня, улыбаясь. У Юрки всегда была какая-то стертая физиономия, из тех, которые не запоминаются.

– Юра, ты? – спросила я неуверенно.

Он дернул плечом и сделал жест рукой, который я расценила как приглашение. Мы сидели и молча смотрели друг на друга. Юрка не стал разговорчивее, но выглядел совсем неплохо. Бледные глаза альбиноса приобрели жесткий стальной блеск, красноватую кожу покрывал загар любителя тенниса, светлые волосы были коротко острижены. Худощав, подтянут, хорошо одет.

– Санечка, ты совсем не изменилась, – произнес наконец Шлычкин.

Меня сто лет не называли Санечкой, и что-то внутри отозвалось на полузабытое имя.

– Ты тоже, – ответила я, хотя это было неправдой. Но таков ритуал. Шлычкин переменился, причем к лучшему. В нем чувствовалась уверенность взрослого мужчины в отличие от вечных мальчиков, которые все время попадают мне под ноги. Он больше ничего не сказал, только смотрел.

Есть женщины, которых нужно развлекать словами. Я отношусь к тем, с которыми можно молчать. Воображение в свободном полете довершало прекрасную картину. Юрка немногословен. Если говорит «да», то это действительно «да». Если «нет», то «нет», и так далее. Был какой-то старый анекдот на эту тему. Надежен. Спокоен. Не суетится. Не заигрывает. Не бросается бурно вспоминать былое. Не тормозит, не хватается за пуговицы, не орет: «А где Ленка Ерохина? А Тимур? А Нонка Сидоренко?» Не навязывает свой стиль поведения. Надо сказать, что я легко поддаюсь под влияние. И если мой собеседник громко орет и размахивает руками, то я невольно начинаю делать то же самое.

Шлычкин молчал, но это было не спертое молчание, когда не знаешь, что сказать и мечешься в поисках темы, чтобы забить паузу. Это молчание единомышленников, которым некуда спешить.

– Ты работаешь? – спросил он.

– Работаю. В издательстве «Арт нуво», переводчицей.

– Молодец, – похвалил Юрка.

– А ты? – спросила я в свою очередь. – На учителя ты не похож.

Юрка улыбнулся:

– Я банкир.

– Банкир? – изумилась я.

Банкир в моем представлении был толстым дядькой с круглой физиономией, быстрым волчьим взглядом и большим животом. Непременно лысый. А Юрка походил скорее на тренера по плаванию или спортивным играм.

– Опять не похож? – улыбнулся он.

– Совсем не похож!

– Как должен выглядеть банкир, по-твоему?

– Жирный, с пухлыми щеками, сопит.

Мы переговаривались, как телеграфисты. Юрка все-таки навязал мне свой стиль общения.

Он не позволил мне заплатить за кофе. И пошел провожать. На улице было шумно, и мы молчали всю дорогу. У дома Юрка покраснел и пробормотал:

– Саша, ты мне всегда нравилась.

Вот это да! Никогда бы не подумала. В том, как он это сказал, не чувствовалось скоропелой мужской выдумки на всякий случай. Он посмотрел мне в глаза, и я подумала, что у него мужественная внешность, он похож на Майкла Винчестера. Слегка.

– Хочешь, я позвоню? – спросил Юрка, продолжая смотреть мне в глаза. Хороший, честный, прямой вопрос.

– Хочу, – ответила я так же честно и прямо.

Он позвонил на другой день. Я пригласила его к себе. Он пришел и принес торбу всяких деликатесов из «Магнолии», включая мой любимый ликер «Бейлис».

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

Юрка слегка развел руками, что, видимо, означало: «Все вы одинаковы».

Он оказался умелым и ласковым любовником, и я не переставала удивляться прекрасным метаморфозам. Я попыталась вспомнить, каким же он был в институте, но у меня не получилось. Я просто не помнила, каким он был. Никаким. И нате вам!

– Как же ты стал банкиром? – спросила я.

– Сам не знаю, – ответил Юрка, подумав.

Он не говорил о себе. Он не говорил о своей работе. О своей семье он тоже не говорил. Даже мое буйное воображение иногда требует пищи и отказывается работать на голодный желудок. Я рассказывала ему о своих книгах, но он молчал в ответ, и я в конце концов тоже заткнулась. Мы любили друг друга молча. Однажды, когда он позвонил, я притворилась, что меня нет дома. Он перезвонил, и я снова не сняла трубку. Я злобно смотрела на заливающийся телефон, испытывая чувство удовлетворенной мести.

– Давай, давай, – шептала я, – ну, еще разок! Ну, скажи что-нибудь!

Он, наверное, понял. И не настаивал. Спустя пару месяцев мы столкнулись в том же кафе, когда я уже уходила.

– Санечка, рад тебя видеть!

– Я тоже рада, – ответила я искренне. Он действительно мне нравился. Ну подумаешь, неразговорчивый флегматик! Мужчина должен быть весом и немногословен.

– Я позвоню? – спросил он.

– Позвони, – разрешила я.

Он позвонил в тот же вечер и пришел, снова с продуктами и здоровенной, как дирижабль, папайей – зеленой, в желтых пятнах. Мы бросились друг к другу, как влюбленные после долгой разлуки.

Мне было хорошо с ним. Но жить вместе... даже не знаю! Это была бы не жизнь, а сплошная пауза.

Людмила Герасимова, моя институтская подруга, побывала замужем три раза. Она – блестящая журналистка, ведущая ток-шоу «Небо в алмазах», умная, острая на язык, энергичная. Местная знаменитость, одним словом. Собирается замуж в четвертый раз, как оказалось. За генерального директора телеканала «Интерсеть» и своего начальника Витю Чумового. «Не бог весть что, – сказала Люська, – но пока сойдет. При наличии отсутствия более подходящей кандидатуры. А там посмотрим. Женщина должна быть замужем! Точка».

Витя Чумовой был женат, но что-то у него в семье не ладилось. Вообще-то его фамилия Чумаров, но все называли его Чумовым. Я видела его как-то раз на телестудии, когда зашла к Люське. Он мне, пожалуй, понравился. Солидный, знающий себе цену мужик. Надежный. Чумовым его могли обозвать только завистники.

– Глуповат, – говорила Люська, – трусоват. Не герой. Своей мадам боится как огня.

– Ты его любишь? – допытывалась я.

– Нет! – отвечала она честно. – Но мне нужен тыл. Статус!

– Каждому свое, – утешала я себя. – Кому Витя Чумовой, кому Майкл Винчестер. А кому никто.

Есть еще Савелий Зотов. Холостяк, между прочим. Прекрасный редактор, умница, хороший товарищ. Классный мужик, одним словом. Хотя не красавец. И лысый. Лысину Савелий маскирует длинными жидкими прядями волос неопределенного цвета, которые он укладывает на голове справа налево и придавливает ладошкой. Пряди не хотят держаться и соскальзывают, что придает Савелию диковатый вид. Стоит мне представить, что я нахожусь в постели с Савелием, как меня начинает душить смех.

– Ты чего? – недоумевает он, не догадываясь о моих крамольных мыслях. Рот у него приоткрыт, густые брови нахмурены. Даже нос картошкой и соскользнувшие с лысины пегие пряди выражают недоумение и неодобрение. – Не вижу ничего смешного!

Я вылетаю из кабинета, зажимая рот рукой. Хотя смеяться нечему. По-своему я люблю Савелия. Кроме Люськи и Савелия, у меня никого нет. Отец оставил нас с мамой, когда мне было девять лет. Где он, я не знаю. Мама умерла пять лет тому назад от рака груди. Мне очень не хватает мамы. Каждому нужен человек, который бескорыстно бы им восхищался и жалел. И спрашивал: ты не голодна? Хочешь жареной картошки?

Не гневи Бога, Александра, говорю я себе. У тебя есть кусок хлеба, который ты честно зарабатываешь головой, а не телом. У тебя есть подруга, которой ты веришь, как самой себе. У тебя есть Савелий, наконец. А то разнылась – одна, без любви, без тепла, без статуса! Поведи вокруг трезвым оком. Что ты видишь? Ты видишь хотя бы одну счастливую супружескую пару? Союз, где сочувствие, взаимопонимание, уважение и так далее? Где не подавляется с трудом желание вцепиться друг другу в волосы?

Глава 4

Оперативные раздумья

Капитан Федор Алексеев, шагая по улице, раздумывал о событиях на поляне Черного урочища.

«Тринадцатое июня, – мысленно загибал палец капитан. – Тринадцать ножевых ранений. Одно – смертельное, остальные несерьезные. Как в романе Агаты Кристи «Восточный экспресс».

Тринадцатого июня в полночь в Черном урочище собрались люди. Человек десять-двенадцать, а скорее всего, тринадцать. Снова тринадцать! Жгли костер. Сидели на траве. Или стояли на коленях. Затем они разошлись. Вернее, разъехались. На двух автомобилях. У догорающего костра осталась лежать мертвая женщина, завернутая в черную ткань. С серебряным черепом на груди. Что не лезло ни в какие ворота.

– Чертовщина какая-то! – недоумевал капитан. – Ритуальное убийство? Жертвоприношение? Человеческая жертва? У нас в городе?

Мысль о жертвоприношении была нелепой и дикой, но никаких других у капитана на данный момент не появилось.

Десять лет назад Федор Алексеев закончил философский факультет столичного университета, поступил в аспирантуру. Собирал материал на диссертацию по теме «Религиозно-философские течения Центральной Европы в эпоху Реформации», а потом вдруг пошел работать в отдел внутренних дел, в поисках романтики, не иначе. Причиной столь необычного поступка стало желание сменить обстановку, а также познать жизнь, вернее, ее изнанку, для чего уйти в народ, как свойственно было представителям старой русской интеллигенции. Алексеев – интеллигент в четвертом или пятом колене. Прадед его был из семьи священника. После окончания духовной семинарии он не принял сана, примкнул к разночинцам и стал писателем. Пописывал в либеральные журналы о ветре свободы, грядущей революции и народовластии. Дед – врач, имея от роду тридцать четыре года, погиб от оспы где-то в Средней Азии, куда отправился добровольно, оставив семью. Отец, горный инженер, всю жизнь мотался по экспедициям. Наверное, охота к перемене мест заложена в мужчинах их рода на генном уровне. Как объяснить иначе более чем странный поступок Федора?

Ноги сами принесли капитана Алексеева на улицу, где располагалась городская библиотека. Он очнулся от мыслей о событиях в Черном урочище, заметив, что стоит перед массивной дверью, украшенной по периметру медными гвоздями. Он поднялся на второй этаж и вошел в читальный зал для научных работников. Дежурила пожилая библиотекарша Вера Максимовна, с которой он дружил. Если бы дежурила молодая, Валечка, Федор отправился бы напрямик к читательскому каталогу. Вера Максимовна же знала фонды библиотеки как собственную кладовку, и он попросил принести ему что-нибудь о религиозных сектах.

– Каких именно? – уточнила она.

– Обо всех, – ответил Федор задумчиво. Он намеренно не хотел упоминать о жертвоприношениях.

– Материал обширный, – озадачилась библиотекарша.

– О сатанистах, – решил капитан.

– О сатанистах? – переспросила Вера Максимовна, и жадный огонек интереса вспыхнул в ее глазах. Оглянувшись, она прошептала: – Неужели?

– Что? – Федор притворился, что не понимает, и чертыхнулся про себя. Уж лучше бы дежурила глупенькая Валечка.

– В Черном урочище! Неужели?

– Не знаю, – Федор тоже понизил голос и наклонился к библиотекарше. Беспроволочный телеграф в городе работал безотказно. – Пока не знаю. Но вы понимаете, Верочка Максимовна, это не для прессы. Пока.

Вера Максимовна приложила руки к груди, вздымавшейся от волнения:

– Упаси бог! Конечно! Никому!

Она была экзальтированной старой девой, эта Вера Максимовна, верила в невероятное и не замечала очевидного. Чтение дамских и детективных романов в неограниченных количествах несколько ослабило ее связь с реальным миром. Она удалилась в хранилище, а капитан уселся за стол и щелкнул от нечего делать выключателем настольной лампы. Лампа зажглась, и он снова щелкнул. Лампа выключилась. Он опять щелкнул. Человек, сидевший впереди, обернулся и внимательно посмотрел на него. «Извините», – пробормотал Федор и выключил лампу. Тут он заметил, что Вера Максимовна делает ему знаки, выглядывая из-за стеллажей.

– Федор Андреевич, – горячо зашептала она, когда капитан подошел, – садитесь сюда! Здесь вам будет удобнее и никто не увидит. – Она указала на столик между стеллажами, где лежали несколько толстых фолиантов и тонких брошюр, и удалилась на цыпочках.

Столик был обеденный; чашки, ложки, пачка печенья, всякие пакетики были сдвинуты на самый край. Федор уселся на хлипкий стул и взял верхний том.

«*Магии мира. Магические системы, ведьмы и колдовство*», – прочитал капитан и задумался. Всю ночь он шарил в Интернете на предмет оккультных наук и был, можно сказать, подготовлен. Но хотелось чего-то... он пошевелил пальцами в воздухе... более определенного, серьезного и конкретного. Без рекламы и обещаний успехов в любви, бизнесе и денег.

Он раскрыл книгу и углубился в чтение. В предисловии автор уверял, что данное пособие является непревзойденным инструментом для начинающих ведьм и исследователей оккультизма. Оказывается, первобытный человек, преклоняясь перед непонятными явлениями природы и богами, придумал ритуальные танцы; и танцуют не только люди, но и крупные африканские человекообразные обезьяны, особенно в полнолуние. «Но я бы не стал настаивать на мысли, что обезьяны или другие животные, птицы или насекомые обладают восприятием, которое можно было бы однозначно определить как религиозное чувство», – задумчиво поделился с читателем автор.

Федор оторвался от книги и тоже задумался. С его точки зрения не было никакой необходимости доказывать, что насекомые не обладают религиозным чувством. Он рассеянно пролистал книгу и наткнулся на главу «Черная месса».

«В отличие от радостного и полного жизни ритуала шабаша, черная месса является не чем иным, как богомерзкими происками сатаны», – начиналась глава.

«Полный жизни шабаш!» – взял себе на заметку капитан, который по наивности считал, что это одно и то же. «Мы сочетаем веселье и благоговение, – делился глава некой колдовской секты в беседе с автором книги. – Восемь шабашей отмечают годичный круговорот солнца и служат поводом для радостных празднеств. А черная месса – это пародия, нечестивость и богохульство, которые подносятся дьяволу».

Совершенно машинально Федор взял из пачки печенье. Оно было очень сладким, и он оглянулся в поисках графина с водой. Вера Максимовна, читая мысли, не иначе, появилась с чайником.

– Что вы, не нужно, – смутился капитан.

Он прочитал еще одну главу – о ведьмах – и снова задумался. Книга оставила у него впечатление расплывчатости и неопределенности.

Следующий труд, «Введение в краткую демонологию», Федор отложил в сторону. Его внимание привлекла книга «*Malleus Maleficarum*» – «Молот ведьм», вызвавшая чисто профессиональный интерес. Еще в университете капитан читал об этом судебном пособии пятнадцатого века по охоте на ведьм. Он пролистал книгу и сразу же наткнулся на главу «О злобе

женщин. Ведьмы». «Интересно, интересно», – пробормотал капитан. Читая поучение Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, он невольно улыбался до ушей.

«Жениться не подобает, – поучал апостол. – Разве женщина что-либо иное, как враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожделенное несчастье, домашняя опасность, приятная поруха, изъян природы, подмалеванный красивой краской?»

«Подмалеванный изъян природы», – повторил капитан с удовольствием, внутренне соглашаясь с автором, но, как образованный человек, стесняясь своих чувств. Он никогда не был женат. Видимо, из-за занятости. Он смутно подозревал, что женщина, с которой ему будет интересно, станет в то же время «домашней опасностью», как удачно заметил апостол. А та, которая умеет готовить, стирать, убирать и так далее, – о чем с ней разговаривать? Вопрос был нерешаем в принципе. Кроме того, рассказы женатых коллег оптимизма не добавляли. Можно было бы, конечно, подойти к союзу мужчины и женщины с философских позиций: когда у Сократа спросили совета – жениться или не жениться, он сказал: «Если ты не женишься, то тебя приютит одиночество мыслителя. Твой род исчезнет. Если же ты женишься, то у тебя будут вечные раздражения, укоры, жалобы и споры, болтливый язык тещи... и так далее».

Вот и решайте сами, иметь или не иметь.

«Если бы мир мог существовать без женщин, мы общались бы с богами», – сказал один древний женоненавистник.

Женщин судили богословы, философы, женоненавистники, историки. Все кому не лень. За грехи, суетность, бездуховность, коварство и близкое знакомство с дьяволом. Обличали, клеймили, выводили на чистую воду, подбрасывали хворост в костер. А женщины в это время были заняты всякими серьезными делами вроде мытья посуды или воспитания детей...

Капитан взглянул на часы – ого! Труба зовет!

Быстро пролистал следующую книгу-справочник «Колдовские секты мира» и задержался на разделе «Жертвоприношения живых существ». Некая леди Мэган, жившая в шестнадцатом веке в Англии, «совершала ритуалы и проклятия своего мужа, а также приносила в жертву мелких живых существ на кладбищах». В книге не упоминалось, что в итоге случилось с ее мужем...

Мысли капитана плавно переключились на события в Черном урочище. Почему «черное»? В смысле «плохое»? «Языческое»? Почему? Он вспомнил деда Андрона и пацанов Стасика и Леньку. Стасик, заглядывая ему в глаза и, мельтеша руками, рассказывал, как он увидел... *это!* Как дед Андрон ушел и оставил их, наказав не подходить к костру... Как они не подходили... не подходили... не подходили...

Федор поспешно поднялся, ругая себя за доверчивость. В свое время он полтора года проработал в детской комнате и знал своих подопечных как облупленных. Забыл, видимо, раз прокололся на пустяке. Он допил чай, сунул в рот последний кусочек печенья и поспешил из подсобки. Вера Максимовна смотрела на него восторженным взглядом сообщницы.

– Спасибо за помощь, – проникновенно произнес капитан. – Спасибо за хлеб-соль.

– Нашли что-нибудь? – у библиотекаря дрогнул голос.

– Вера Максимовна, – Федор повел взглядом по залу. – Пожалуйста...

– Поняла, – прошептала библиотекаря в полнейшем восторге. – Могила!

Стасик был дома, к счастью. Матери удалось затащить его на обед, выдернув со двора с корнями. Сын глотал куски мяса, не жуя, и давился хлебом. Со двора доносились вопли товарищей. Жизнь проходила мимо. Увидев капитана, Стасик сделался пунцовым и закашлялся.

– Что? – всполошилась мать Стасика. – Из-за убийства? Ужас какой! Ребенок всю ночь не спал, так испугался.

Стасик буркнул:

– Еще чего!

– Уточнить кое-что, так, ерунда, – успокоил ее капитан.

Мужчины вышли на лестничную площадку. Стасик достал из кармана штанов и протянул капитану прямоугольный кусочек картона, когда-то белый, а сейчас истерзанный и грязный:

– Вот. Нашел около костра.

В глаза капитану он не смотрел. Федор с трудом сдержался, чтобы не накидать свидетелю по шее.

Глава 5

Молодежный театр

Прямоугольник белого, когда-то атласного картона, реквизированный у малолетнего свидетеля Станислава Горлушки, был не чем иным, как визитной карточкой Виталия Н. Вербицкого, режиссера популярного молодежного театра-студии «Трапезная». Странное название объяснялось тем, что театр помещался в бывшей трапезной храма Спасителя. Храмовое начальство прилагало массу усилий, чтобы вырвать трапезную из рук безбожных служителей Мельпомены, но пока втуне. Трапезная была отторгнута от храма в незапамятные времена, поменяла с десятков хозяев, пока лет двенадцать тому назад в ней не поселился молодежный театр, который стал бельмом на глазу у порядочных верующих. Имя режиссера на карточке изображалось прописными буквами с завитушками, две стилизованные маски – смеющейся Талии и плачущей Мельпомены – помещались сверху над именем; номера телефонов, служебного и мобильного, – внизу.

Молодежный театр был скандально известен своими эскападами, а артисты хулиганили не только на сцене, но и в жизни. Два спектакля запретил лично мэр города, человек твердых моральных устоев и несколько ретроград. Запрещение сыграло роль тернового венца, придало театру ореол мученика и вызвало нездоровый интерес общественности. Один из спектаклей был о римском императоре Нероне. Местная газета назвала его крутым порно. Нерон по ходу действия чуть ли не в натуре совершал насилие над обнаженными героями мужского и женского пола. Глядя на сцену, зрители начинали понимать, что послужило причиной упадка Римской империи. Спектакль успели показать два раза, после чего он был снят. Это вызвало бурную реакцию демократически настроенной части общества, так как свидетельствовало об отсутствии в городе свободы слова и печати. Отсталая часть населения считала, что так им и надо – распустились, понимаешь! Но и те и другие испытывали гордость и удовлетворение от наличия у них в городе острой идеологической борьбы.

Второй спектакль был о жизни гомосексуалистов и лесбиянок. Назывался он «Упавшие звезды». Спектакль запретили сразу же после премьеры. Артисты устраивали шествия протеста и пытались давать представления на центральной городской площади. Виталий Вербицкий в тоге римского императора, лавровом венке на длинных кудрях и сандалиях на босу ногу призывал к гражданскому неповиновению властям. Актеры-мужчины были наряжены в женскую одежду и сильно крашены. Буза продолжалась до тех пор, пока труппу не увозила полиция. Театр имел имидж *enfant terrible*², клоуна и городского сумасшедшего вкупе.

Как известно, негативной рекламы не бывает. На каждую премьеру зрители ломились чуть ли не в окна, справедливо полагая, что второго спектакля может и не случиться. Умники задавали себе вопрос: Виталий Вербицкий действительно дурак и психопат или умный и дальновидный руководитель? Тем более что, несмотря на сомнительную репутацию, запреты спектаклей и жалобы верующих, театр все-таки не закрывали! И билетов было не достать.

Виталий начинал свою карьеру режиссера в одной из закавказских республик, куда попал после распределения из столичного вуза. Он продержался там год и уволился по причине ностальгии, как записали в трудовой книжке. У него было подвижное лицо мима, похожее на лошадиную морду, узкий рот, растянутый в постоянной ухмылке, и карие глаза, в которых читались насмешка и постоянная работа мысли. Походка под стать характеру – стремительная, ныряющая и целеустремленная. Виталий не ходил, а летал, трепеща лапами длинного извоз-

² Несносный ребенок (франц.).

чичьего плаща белого цвета. Добавьте сюда сильный звучный голос, высокий рост – и вуаля! Виталий Вербицкий собственной персоной.

«Что делал Виталий Вербицкий на поляне в Черном урочище?» – спросил себя Федор Алексеев. Разумеется, визитка могла лежать там с незапамятных времен. Дождя не было почти месяц.

Капитан позвонил дежурному отделения и попросил уточнить адрес Виталия Вербицкого. Железо надо ковать, пока горячо. Часы на городской площади отзвонили четыре. Желательно перехватить режиссера до вечернего спектакля, на который соберется вся передовая общественность города и произойдет великий обмен информацией.

Через двадцать минут адрес был у капитана в кармане. Улица Космонавтов, двенадцать, квартира семь. Почти в центре.

Он поднялся на второй этаж неохраемого нечистого подъезда и нажал на кнопку звонка. Дверь седьмой квартиры поражала воображение хлипкостью и обшарпанностью. Ее, видимо, неоднократно выбивали из гнезда и затем снова водворяли на место. Из четырех разнокалиберных замков работал, как заподозрил капитан, в лучшем случае один. Никто не спешил открывать ему. Похоже, Вербицкого не было дома. На настойчивые звонки капитана выглянула соседка с написанным недоброжелательным любопытством на лице. Она окинула капитана диковатым взглядом. Правый глаз ее изрядно косил.

Федор был в цивильном платье, и тетка рявкнула самым хамским образом:

– Кого надо?

– Вербицкого, – ответил капитан.

– Никого нету, – сказала она, – пропади они все пропадом! Уже с неделю в Дымарях, там у них лагерь.

– У кого лагерь? – не понял Алексеев.

– У гоп-компании! Третий день. Живем как люди. Уже неделю нос не кажут.

– Вербицкого нет дома три дня?

– Ну! А вы кто будете? Что-то я вас не припоминаю! – Тетка подозрительно уставилась на Алексеева. Потертые джинсы и синяя футболка капитана не внушали ей доверия.

– А где в Дымарях? – спросил Федор, проигнорировав вопрос.

– Развалюха на берегу. Их, паразитов, все село знает. У меня кума оттудова. Голяком загорают, бесстыдники, лакают самогонку как собаки и песни орут всю ночь. Костры жгут на берегу. Местные мужики хотели им мозги вправить, а теперь неразлейвода. Кума говорит, в доме культуры представление будет.

– И что, все живут в одном доме?

– Не все, сам и еще два артиста. Малы́е. Остальные кто где. У них в кармане вошь на аркане, а в селе все ж и молоко дешевле, и рыбу ловят, и сараи с огородами грабят.

– Зачем? – удивился Федор.

– Инвентарь какой-никакой, яйца... опять-таки, – туманно ответила тетка.

Перегнувшись через перила, она следила за тем, как капитан сбегал по лестнице вниз.

В информации соседки был ряд неточностей. Еще на первом курсе Федор Алексеев пришел к выводу, что практически любое заявление любого человека носит расплывчато-условный характер. И понять его можно далеко не однозначно. В одни и те же слова разными людьми вкладывается разный смысл. Например, непонятно, «с неделю» артисты в Дымарях или всего три дня. Или «малы́е»? Почему «малы́е»? Имеется в виду размер или социальная значимость? Непонятно также про инвентарь. Про яйца, кажется, ясно, – видимо, куры несут яйца в сарае, а артисты их крадут. А огороды?

«Что можно украсть на огороде в июне? – задумался Федор. Своей дачи у него не имелось, а в деревне он бывал всего несколько раз, еще в годы студенчества, всякий раз осенью,

на картошке. – Зелень? Укроп? Петрушку? Уха! – вдруг осенило его. – Какая уха без укропа и петрушки!»

Федор даже сглотнул, представив себе тарелку дымящейся наваристой ухи, остро пахнувшей укропом и лавровым листом, и краюху черного хлеба. И большое блюдо жареных карасей. И запотевшую кружку пива. В холодильнике у него лежали пельмени, колбаса и кусок вологодского сыра, который давно пора выбросить. Набор холостяка. Он никогда не делал культа из еды, так как был уверен, что не это главное.

«А что главное? – задал он себе вопрос. Мысли его плавно потекли в другом направлении. – Что главное в жизни? Нет, – решил он наконец, – вопрос некорректен. Он должен звучать так: что главное в жизни отдельно взятого индивидуума? С коллективным сознанием в нашей стране покончено раз и навсегда, и мы вступили в эпоху построения крутого индивидуализма. Ergo, что является главным в моей жизни? Деньги? Работа? Творчество? Хобби?»

Федор так увлекся, что не заметил, как добрался до гаража, где держал свой белый «Форд-эскаорт». Откуда, спрашивается, деньги на «Форд-эскаорт» у мента, который не берет взятки? Очень просто – поддержанный «Форд» был куплен на деньги из бабушкиного наследства. Денег хватило также и на однокомнатную квартиру в центре. При этом, нужно заметить, бабушка Федора, вернее, двоюродная бабушка, была жива и здорова. Два года назад она уехала жить к вдовой сестре в провинцию, а дом в пригороде продала и подарила деньги Алексееву, сказав при этом:

– Дом, внучек, завещан тебе, так что бери, не стесняйся, лучше раньше, чем позже. Ты молодой, тебе нужнее. А я еще поживу маленько.

Федор стал было отказываться, чувствуя дискомфорт оттого, что получает наследство при жизни бабки, но та сказала:

– Доживешь до моих лет и поймешь, какая это радость, когда есть что дать и кому дать. А что я жива, так это даже лучше, правда?

Всякий раз, возвращаясь домой в свою отдельную квартиру, Федор вспоминал бабку добрым словом. Не то чтобы ему было так уж плохо с родителями, но взрослые дети должны жить отдельно. Капитан Алексеев знал это как никто, насмотревшись всякого за годы работы.

Тридцать кэмэ до Дымарей «Форд-эскаорт» пробежал, радуясь возможности вырваться из надоевшего города. День выдался замечательный. Светило оранжевое закатное солнце, зеленели поля, летали белые и красные бабочки.

В этом довольно большом селе почти не осталось сельских жителей – все дома раскупили горожане под дачи. Места там были красивые – танцующая речка Донка, заречные луга, а за ними бесконечный сосновый бор. Дымари живописно располагались на правом берегу реки. Донка мелкая, с песчаным дном, берега затянуты сочным ивняком и колючими кустами ежевики. Почти на всем протяжении ее можно было перейти вброд. Местные краеведы однажды достали со дна фрагменты греческих амфор, в которых в незапамятные времена хранилось вино или оливковое масло. находка говорила о том, что Донка когда-то была судоходной и каких-нибудь две-три тысячи лет назад по ней к нам заплывали греческие торговые корабли.

Дом, вернее, избу, где жили актеры из «Трапезной», капитан нашел почти сразу. Женщина с полными пластиковыми торбами, которую он остановил, окинула незнакомого человека любопытным взглядом.

– Вон крыша с березой, – она повела плечом, – там они и живут.

На соломенной полупровалившейся крыше деревянной избы действительно росла карликовая береза.

Ее крошечные жесткие листья звенели под легким ветерком. Двор по самые уши зарос подорожником, веселыми желтыми одуванчиками и крапивой, что придавало ему необитаемый вид. Однако на веревке, натянутой между деревьями, сушились какие-то тряпки.

Дверь в сенцы была открыта настежь. Федор поднялся по скрипучим ступенькам на перекошенное крыльцо и заглянул внутрь.

– Есть кто-нибудь? – позвал он.

Молчание было ему ответом.

– Эй! – позвал он громче.

Тишина в ответ. Потоптавшись у порога, Федор переступил в сенцы, где тут же споткнулся о ведро, которое оглушительно загремело. Постояв с минуту в надежде, что кто-нибудь выглянет из комнаты, он потянул за ручку двери. Дверь открылась, и он вошел. Комната была пуста. На столе стояли немытые тарелки и мутные граненые стаканы, валялись обрывки газеты и отгрызки снеди. Пьяные мухи весело кружились в воздухе.

Федор заглянул на кухню, подивившись, зачем людям столько хлама: пустые бутылки, кастрюли, дырявые тазы, канистры, старинный примус, ржавые пудовые гири и старинный чугунный утюг – это только то, что он охватил беглым взглядом.

Федор вернулся в комнату, прикидывая, что делать дальше. Куча тряпья на топчане вдруг зашевелилась, и он вздрогнул. Оторопело он смотрел, как из-под тряпья показались маленькие детские ручки – ребенок потянулся и, отбросив одеяло, сел, свесив ноги. Потер кулачками глаза.

– Блин, – донеслось до капитана неясное бормотание, – голова трещит, зараза... Говорил же, не буду... и сорвался... Нет, завязывать надо, пока не поздно! Уже черти мерещатся по углам... Чур меня!

Федор негромко кашлянул. Ребенок отнял руки от глаз и уставился на капитана. Тут капитан рассмотрел, что это не ребенок вовсе, а взрослый мужчина, лилипут. «Видимо, один из «малых», о которых упоминала соседка режиссера», – мелькнула догадка. У лилипута было маленькое сухое личико с жесткими складками в уголках рта, обвисшие щеки и мешки под глазами.

«Пьет», – решил Федор и сказал приветливо:

– Добрый день. Я ищу Виталия Вербицкого. Не подскажете, где он?

Лилипут зевнул, широко раскрыв пасть.

– Вы по поводу машины? – спросил он тонким голосом.

– Ну, – неопределенно ответил капитан.

– Виталия платить не будет, – продолжал лилипут, – мы уже месяц без бабок, а тот фраер сам виноват!

– А где он? – спросил Алексеев.

– На реке, – ответил лилипут, ловко спрыгивая на пол. Он прошлепал мимо капитана на кухню и загремел там посудой.

Федор вышел из дома и отправился на реку.

Глава 6

Уличные знакомства

Прекрасный летний день перевалил за полдень и начал потихоньку угасать. За столиком греческого ресторанчика «Атенас», что в переводе значит «Афины», вынесенного на улицу по причине погожего дня, сидели трое. Знакомый уже читателю банкир Юра Шлычкин с незапоминающейся физиономией и двое его школьных друзей и соклубников: местная культовая фигура, художник Коля Башкирцев и программист Гриша Блументаль, о котором и сказать-то нечего – нормальный человек, обремененный большим семейством. Юра молчал, так как был неразговорчив вообще. Гриша молчал вынужденно, так как рот у Коли не закрывался ни на минуту.

– Я шарманка с душой первой скрипки, – жаловался Коля горько. – Я артист, в смысле – художник. Мне, как воздух, нужно самовыражение. У меня замыслы! Я, например, хочу писать Христа и Магдалину. Умирающий Христос и рыдающая Мария Магдалина у его ног. Христа я буду писать с тебя, Блум, – обратился он к Грише.

Гриша пожал плечами.

– Не понял! – удивился Коля. – Почему?

– Потому. Тебе ж надо позировать, а у меня семья.

– Ну и что? При чем тут семья?

– Семью кормить надо.

– А Коля тебе хорошо заплатит, – подначил Шлычкин. – Он у нас классик, денег немешно.

Блументаль и Шлычкин переглянулись. Все знали, что Коля был скуповат.

– При чем тут деньги? – закричал Коля. – Почему все говорят только о деньгах? Мне нужно твоё лицо, Блум, твои семитские глаза с вековой скорбью. Я так и вижу эту сцену. – Коля откинулся на спинку пластмассового стула и уставился в полосатый тент над головой. – Она мне снится по ночам. Она стоит у меня перед глазами. И вместо того, чтобы... Это мучительно! Из меня делают какого-то паяца на потребу денежным мешкам и их половинам. Она дергает за нитку, и я пляшу под её дудку! Как раб! Я принимаю свое рабство как блаженство. Я знаю, что слаб. Я люблю эту женщину! Я ничего не могу с собой поделать. Кто посмеет бросить в меня камень? – Он перевел взгляд на друзей.

«Она» – так Коля называл свою жену Марину.

– А с чего вдруг Христа? – спросил Шлычкин, не заостряясь на теме душевных страданий.

– Много грязи кругом. Душа жаждет чистоты. Мне тут недавно попалась книжка Густава Даниловского «Мария Магдалина». Библиографическая редкость, между прочим. Двадцать восьмого года издания. Дали на один день. Там такой Христос... И Мария! Я плакал! Знаете, ребята, я только сейчас понял, что художники Возрождения писали Христа в состоянии экстаза. То, что я чувствую, не поддается никакому описанию. Христос и Мария, вытирающая ему ноги своими волосами! Он – создатель, творец, мученик, она – у его ног. Извечная женская роль быть у ног мужчины... А в Средние века ролевой принцип извратили и поставили мужчину на колени перед прекрасной дамой. Гендерный нонсенс!

– Экстаз? – Шлычкин выхватил из монолога Коли «сильное» слово.

– Ну!

– Домострой какой-то! – возмутился Блументаль. – Ты путаешь понятия: мужчина, стоящий на коленях перед женщиной, – это дань ее красоте, любовь, восхищение, а стоящая на коленях женщина – это рабство!

Наступило молчание. Блументаль печально размышлял о том, что придется, видимо, искать новую работу, так как брокерская фирма, где он трудился до недавнего времени, разорилась. Шлычкин ни о чем таком не думал, провожал взглядом прохожих и одним ухом слушал Колю Башкирцева. Все, о чем говорил Коля Башкирцев, друзья его давно уже знали. Коля после четвертой рюмки сливовой водки впадал в минор и начинал себя жалеть. Он испытывал страстное желание предаться душевному эксгибиционизму в компании тех, кто его понимает. А кто понимает человека лучше, чем его школьные друзья?

– Я сейчас пишу портрет Регины Чумаровой, – сказал Коля. – Удивительно мерзкая баба, которая вызывает у меня протест на подсознательном уровне. Кстати, *ее* подруга

– Какой Чумаровой? – заинтересовался Шлычкин.

– Владелицы салона «Регина». В девичестве Деревянко.

– Дочка Деревянко?

– Она самая.

– Пьет, говорят?

– Пьет? – возмутился Коля. – Не то слово! Как лошадь! Я знаю кое-кого из... – Коля многозначительно замялся, – *ее* девочек. Так они рассказывают, что Регина периодически нажирается в соску. Они так и говорят: «Мадам сегодня нажралась в соску». Две недели назад она упала с подиума прямо во время дефиле. Удачно, к счастью. Вывихнула лодыжку. Официальная версия: перетрудились перед показом, низкое давление, головокружение, стресс. Говорит: нарисуйте меня в соболях, как принцессу Диану. «Нарисуйте!» – Коля хмыкнул. – Считает себя красавицей, между прочим. Боже, как я устал!

– Не даром же, – сказал Шлычкин, подмигивая Грише. – За хорошие бабки!

– Свобода художника дороже! То, чем я занимаюсь, – это профанация высокого искусства. Это проституция, если хотите!

Коля устало прикрыл глаза рукой. Блументаль посмотрел на полосатый тент и подумал: «Мне бы твои заботы. Ленка снова беременна, а работы пока нет и не предвидится».

– Слушай, – он наклонился к Шлычкину, – у тебя нет работы? Я не сегодня-завтра вылетаю из фирмы.

– Обсудим, подгребай. У нас реорганизация, я там и ночевать буду. Давай через неделю.

– Я так больше не могу! – вскричал вдруг Коля.

Шлычкин и Блументаль вздрогнули и уставились на художника.

– Послушай, – сказал Шлычкин, – а кто тебе мешает?

– В смысле? – не понял Коля.

– Ну, халтурь себе на портретах, а в свободное от халтуры время твори для души, – поддержал Шлычкина Блументаль. – Делов-то.

– Как вы не понимаете? – взвился Коля. – Вдохновение – это вам не счетами щелкать! Оно, как райская птица, нечасто залетает в наши сады.

– А ты пробовал?

– Что?

– Щелкать счетами!

– Я – художник!

– Башкир, не зарывайся! – сказал Блументаль. – Шлычкин тоже художник. В своем роде.

– И Гриша, – поддакнул Шлычкин, – художник.

– Какие вы, братцы, все-таки сволочи, – горько сказал Коля и потянулся за бутылкой. Разлил водку, объявил: – За творчество! – Друзья выпили. – За что я тебя уважаю, – обратился Башкирцев к Грише, – так это за то, что ты водку пьешь, даром что еврей!

– А меня за что? – спросил Шлычкин.

– Тебя? – Коля задумался. – За то, что ты финансовый гений.

Некоторое время друзья молчали, думая каждый о своем, рассеянно провожая взглядом прохожих. Особенно женщин. Потом Коля Башкирцев сказал, понизив голос: – Она ко мне пристаёт.

– Кто? – спросили разом Блументаль и Шлычкин.

– Регина.

– А ты?

– А что я? Как женщина, она мне не нравится. Но... я же не каменный!

– Не понял, – удивился Гриша.

– Сколько ты берешь за картину? – поинтересовался Шлычкин.

– За портрет. А что?

– Платить не хочет. А если ты ее трахнешь, то... сам понимаешь.

– Ты думаешь? – с сомнением спросил Коля. Мысль о том, что Регина Чумарова хочет сэкономить на собственном портрете, не приходила ему в голову. Он почувствовал себя уязвленным и подумал, что, может, и не стоило с ней спать. – Да у нее бабок навалом!

– Я вас умоляю! Денег никогда не бывает достаточно, – назидательным тоном сказал Блументаль, поддержав тем самым версию Шлычкина. – И, если можно сэкономить, то варум нихт?

– За удовольствия надо платить, – добавил Шлычкин.

– Какое удовольствие! – разозлился Башкирцев. – Да меня блевать тянет от одного ее вида. Терпеть не могу пьяных баб!

– Она что, позирует подшофе? Лежа? – спросил Шлычкин. Блументаль хихикнул и замаскировал смех кашлем.

– Идите к черту! – Башкирцев хлопнул ладонью по столу. Настроение у него было испорчено. – Вот гады! А еще друзья!

Все трое в свое время были учредителями знаменитого Клуба холостяков, одной из самых популярных городских тусовок. Им было тогда лет по двадцать. Шлычкин учился на инязе, Блументаль в политехе, Башкирцев в художественном училище. Устав Клуба гласил, что членами его являются убежденные холостяки, которые никогда в жизни не женятся. Они носят длинные волосы и, если захотят, бороду, как канадские лесорубы, пьют только водку – никаких вискарей и прочей дряни, качаются в спортзале. Шлычкин, правда, сказал, что длинные волосы носить не собирается, и для него сделали исключение.

Известный немецкий писатель описывает в одной из своих книжек героя, приехавшего завоевывать столицу. Тот остановился в самой дорогой гостинице и заказал на завтрак какую-то немыслимую комбинацию продуктов – яичницу с вишневым джемом и устрицами, например, сказав внушительно официанту, что у него такие вот вкусы и что он архитектор. Так его и запомнили: архитектор с нестандартными вкусами, снявший самый дорогой гостиничный номер. Это было началом его успешной карьеры.

Клуб холостяков заявил о себе необычным внешним видом – длинными волосами, бородами и галстуками-бабочками, в которых холостяки появлялись в общественных местах. Представьте себе красивых рослых парней, всегда вместе – на пляже, в ресторане, на природе, – и никаких вам баб-с! Это сейчас, в наше испорченное время, их приняли бы за представителей сексуальных меньшинств, а тогда весь город был заинтригован. Клуб за очень короткое время стал престижным и элитарным.

Они выпустили листовку с уставом Клуба и расклеили ее на телеграфных столбах. Потом от желающих вступить в члены не стало отбоя, и через некоторое время пришлось притормозить. Клуб просуществовал почти шесть лет, до тех пор, пока не женился Гриша. Бессменным председателем Клуба все эти годы был Коля Башкирцев. Даже сейчас, спустя почти пятнадцать лет, в городе помнили холостяков, и всякое упоминание о том, что такой-то состоял в Клубе, пробуждало в окружающих ностальгические настроения.

После Гриши женился Шлычкин, правда, неудачно; за Шлычкиным – другие. Последним – Коля Башкирцев, на ослепительной красавице Марине Селянкиной, бывшей невесте выпускника дипломатической академии, отбитой Колей у будущего дипломата. История большой любви Марины Селянкиной и Коли Башкирцева вошла в городские анналы. Променять блестящую карьеру жены дипломата на скромное положение жены художника-оформителя? Это, знаете ли... поступок! Одна из подружек Марины проговорила, что дипломат... это самое... слабоват в известном смысле. Ха! Разве это причина? Были и те, кто считал, что дипломат нашел себе невесту получше, со связями и деньгами. Ведь не все равно, куда тебя зашлют после окончания учебы – третьим секретарем посольства в Монголию или первым в Вашингтон. Но, как бы там ни было, Марина и Коля поженились. На свадьбе были цыгане, тройки с бубенцами и даже фейерверк. А уж сколько водки выпито!

Марина Башкирцева работала искусствоведом в городском историческом музее. Ее профессия перекликалась с ремеслом мужа. Через некоторое время Коля заявил о себе как замечательный портретист. Умелая реклама, упоминание вскользь о портрете кисти Башкирцева, деньги, появившиеся у населения, а с ними и новые привычки привели к тому, что в одно прекрасное утро Коля проснулся знаменитым. Нувориши наперебой заказывали ему портреты чад и домочадцев. Сначала скромно – в кресле с книгой, в лучших традициях неумирающего соцреализма, дальше – смелее, с творческим огоньком, – в бриллиантах, мехах, на фоне умопомрачительных интерьеров собственных домов и шикарных автомобилей. А то и в виде известных исторических персонажей. Союз Коли и Марины, кроме всего прочего, оказался удачным экономическим предприятием.

Марина была высокой тонкой женщиной, узколицей и узкоглазой, как типажи Модильяни. От нее исходило ощущение удивительной хрупкости, слабости и нежности. Любому мужчине при виде Марины хотелось немедленно схватить ее в объятия и защитить от всего мира. У нее было слабое сердце. Когда муж в чем-нибудь с ней не соглашался, у Марины начинался сердечный приступ. Она никогда не кричала и не скандалила, а просто ложилась на кушетку, бледнела и закрывала глаза. И Коля бросался дрожащей рукой капать в рюмку валокордин. Он очень любил Марину.

Несмотря на деловую хватку, Марина была женщиной романтической и мечтательной, ей нравилось окутывать себя флером тайны, недосказанности и декадентской готики. Она любила себя в черном, увлекалась серебряными украшениями в стиле ретро, а кроме того, у нее была целая коллекция шляп с полями... Ее приятельницы взахлеб сплетничали о ее бурных романах на стороне. Поддерживая репутацию женщины-вамп, Марина могла подняться в середине дамского междусобойчика и заявить, что ей пора, ее ожидают в другом месте... «Где? Кто?» – естественно возникали вопросы, но Марина только улыбалась загадочно, заламывала бровь и притворно смущалась...

Самым удивительным было то, что на самом деле Марина хранила верность своему Башкирцеву. Во всяком случае, до недавнего времени. Из гостей отправлялась по лавкам или прямиком домой. Башкирцев, в отличие от жены, целомудрием не отличался. Но так как Марина об этом не догадывалась, то и проблем не возникало.

– Саша! – вдруг закричал Шлычкин, вскакивая со стула. – Санечка!

Глава 7

Девушка Окулова

Я отлично выпалась и проснулась с чувством праздника. Ура! Целых два дня свободы впереди! В открытое окно тянуло свежестью. Автомобильное движение на улице по случаю выходных было перекрыто, и тишина стояла просто оглушительная. Эхо шагов немногочисленных прохожих шелестело в стенах домов. Встать мне не хотелось. Валяться в постели тоже – жалко было терять время. Тут взгляд мой упал на крошечный будильник, и я ахнула – почти двенадцать! Бухгалтерия, деньги! Я вскочила – Савелий сказал, что сегодня они до двух. Потом – на пляж! Я представила себе сверкающую на солнце ленивую реку, горячий песок, людской гомон, в который вплетались отчетливый визг детей, шлепанье ладоней по мячу и хлопание волн о берег. А также запах горелого мяса и дыма – по всему пляжу жарили шашлыки.

«Эх, хорошо-то как!» – подумала я, потягиваясь, и скомандовала сама себе:

– Подъем!

Душ, божественный запах кофе, божественный вкус копченой колбасы и черного хлеба – все сегодня было просто замечательно! Даже Люськин по-прежнему молчащий телефон не мог омрачить моего настроения. Так, тучка набежала и тут же рассеялась.

Я достала из шкафа белые шифоновые брюки, страшно дорогие, купленные зимой по глупости и недомыслию. Рассмотрев покупку дома, я поняла, что никогда в жизни *это* не надену. Брюки были полупрозрачные, широченные, в мелкий серый цветочек. Красота неопишная – вещь первой необходимости в каком-нибудь Карибском бассейне, на миллионерской яхте, но в наших широтах бесполезная. Да и топа к ним у меня не было. То есть этого добра валом, но в паре с аристократичными брюками они выглядели просто шавками. Пока я стояла под душем, мне пришло в голову соединить брюки с длинной мужской рубашкой, тоже полупрозрачной (какой дурак мужского пола напялил бы ее на себя?), купленной по случаю на распродаже в бутичке на Чехова, и застегнуть ее только на одну пуговицу на уровне груди. Это была потрясающая мысль! Полупрозрачные летящие брюки, полупрозрачная летящая рубашка, красная соломенная шляпа... Отпад!

Из зеркала на меня смотрела незнакомка в прекрасной одежде и золотых сандалиях. В красной шляпе и узких очках с розовыми стеклами. С походной холщовой торбой через плечо. Сунув в торбу полотенце и купальник, я весело сбежала вниз по лестнице.

Я не шла, а летела по улице, упиваясь взглядами прохожих. «Счастье сидело в ней пушистым котенком», – сказал один писатель про свою героиню. То, что сидело во мне, было не котенком, а здоровенным котищем, который громко мурлыкал.

Облом! Бухгалтерия издательства была закрыта. Равно как и само издательство. Не иначе как дунули на пляж по случаю прекрасного солнечного дня. Я на миг растерялась – стояла и дергала дверь. Но увы! Она оставалась незыблема. Но даже это не испортило мне праздника. Дернув дверь еще раз и даже лягнув ее напоследок, я побежала на пляж. Опять увы – день, видимо, не задался с самого начала. Вдруг потемнело, налетел шквальный ветер, и небо расколол мощный электрический разряд. Прямо у меня над ухом рявкнул гром, и начался потоп. Я взвизгнула и помчалась под козырек ближайшего подъезда...

Домой я добиралась пешком – как назло, не попалось ни одного такси! Мои брюки и рубашка были хоть выжимай, кроме того, оказалось, что они стали прозрачными – судя по возмущенным воплям из окон проезжающих машин.

Короче говоря, на пляж я попала только в воскресенье. К счастью, денек опять выдался на славу, а мой пляжный костюм почти не пострадал – только брюки стали немного короче и рубашка чуть поуже. Рассмотрев себя в зеркале, я решила, что так даже... гм... интереснее.

Пляж напоминал раскаленную сковородку. Пляжники валили потоком, как боевые муравьи. Я с трудом нашла свободное местечко и расстелила на горячем песке полотенце. Намазалась кремом для загара, улеглась и закрыла глаза. Лучи горячего солнца прикоснулись ко мне как... как... «руки любовника», сказала бы Кэтлин О'Брайен. Я вспомнила Юру Шлычкина и вздохнула. Потом мне пришло в голову, что я ничего толком о нем не знаю. Женат ли, есть ли дети, собаки, дом. Женат, несомненно. Они все женаты! Я почувствовала обиду. Героини романов, которые я переводила, стремились узнать о своих любовниках все и даже нанимали частных детективов.

Я попыталась представить себе Шлычкина в домашнем интерьере. Интересно, какая у него жена? Какие бывают жены у банкиров? Красотка, намного моложе Юрки, не работает. Ведет гламурную жизнь за спиной мужа-банкира. Воспитывает детей. Нет, с детьми сидит бонна. Бонна? У Шлычкина? Домработница в лучшем случае. А где он живет? В собственном коттедже? За городом или, наоборот, в центре, в престижном районе для нуворишей, занимающая весь этаж? А какая у него машина? «Мерседес» последней модели? На мой вкус, тяжело-вата. Мне больше нравится красный спортивный «Феррари» Майкла Винчестера. Но вряд ли Шлычкин потянет «Феррари», хоть и банкир. Банкиры тоже разные бывают. Значит, все-таки «Мерс».

Под эти неторопливые мысли я задремала.

Пробуждение было ужасно! На мой живот вылился поток ледяной воды, и я в ужасе подскочила. Девочка лет трех с пустым ведрком стояла рядом, с любопытством глядя на меня и улыбаясь во весь рот. У нее были кривые ножки, желтые трусики и нежное мягкое тельце. Я, всхлипывая, хватала воздух – струя прилась под дых – и постепенно приходила в себя.

– Ты кто? – спросила я наконец.

Девчушка засмеялась, повернулась и побежала на своих кривых ножках к речке. Зачерпнув воды, она резво, насколько позволяло полное ведро, двинулась назад – прямоком ко мне. На середине пути она тяжело плюхнулась на попку, ведро опрокинулось, и вода вылилась на песок. Девчушка проворно встала на четвереньки, поднялась, схватила пустое ведро и снова побежала к реке. Во всех ее движениях была такая целеустремленность, что я почувствовала что-то вроде белой зависти.

Часы показывали два. Народу вокруг была тьма-тьмушая. Солнце жарило в полный накал. Хотелось пить. Я, кажется, обгорела. Из-за крема ничего не видно, но кожу пощипывает. «Полцарства за пиво!» – подумала я, чувствуя вкус холодного напитка во рту. Я оглянулась по сторонам – ящики с пивом, прикрытые клеенкой, стояли на солнцепеке у палаток. Холодное подают в ресторанчике «Бриз», но туда не протолкаться. Я перевела взгляд на реку – она искрилась на солнце. Знакомая девчушка с полным ведром, покачиваясь, шла ко мне. Вода в реке еще холодная, даже ледяная, судя по потоку, вылившемуся на меня десять минут назад. Значит – домой! По дороге можно заскочить на рынок за клубникой. И за сметаной – «бабской», как называла фермерский продукт Людмила. Интересно, куда она исчезла?

Наблюдая за юной диверсанткой с ведром, я схватила торбу, полотенце и побежала переодеваться.

Чувствуя приятную расслабленность во всем теле, я шла по тенистой стороне улицы, представляя, как приду домой, достану из холодильника бутылку любимого пива и...

– Саша! – закричал кто-то рядом. – Санечка!

Юра Шлычкин, привстав из-за столика под полосатым зонтиком, призывно махал мне рукой. Он был в компании двух мужчин. Когда я подошла, оба тоже встали.

– Мои друзья, – представил их Шлычкин.

– Николай Башкирцев, – сказал голубоглазый красавчик с усами, как у Дали, и длинными локонами. – Очень приятно! – Он дернул головой, откидывая волосы, и разгладил торчащие в стороны усы, которые выглядели несколько картинно (понимай – нелепо!) на его среднеславянской физиономии.

– Григорий Блументаль. – Длинный рыжий парень вяло подержал мою руку.

– Александра Окулова, – присела я в реверансе.

– Шлычкин, ты негодяй! – сказал усатый восхищенно. – Прятать от друзей такую женщину! – Он смотрел на меня, раздувая ноздри.

Я вспомнила, что на мне изумительно красивые шифоновые брюки, расстегнутая до пупа рубаха и свежий загар.

– Коля – художник, – сказал Шлычкин, словно оправдываясь. – Гриша – программист.

– Я – переводчица, – скромно призналась я.

– Я должен вас написать! – вскричал усатый, хватая меня за руку.

– Санечка, пива? Вина? – деловито перебил его Шлычкин.

– Пива! Холодного!

Мне принесли пиво, и я, подняв обеими руками литровую кружку, припала к ее краю. Мужчины наблюдали, как я пью. Тут необходимо заметить, что я пьянею даже от яблочного сока. А литр пива для меня просто катастрофа. Допив до дна, я непринужденно утерлась рукой. Шлычкин смотрел на меня с улыбкой; художник – заинтересованно, приподняв бровь; программист Гриша – печально.

– Я была на пляже... Жара нес-с-усветная, – сообщила я, запнувшись на трудном слове и чувствуя, как мир вокруг меня начинает медленно покачиваться. Пиво мгновенно ударило мне в голову. «Несусветная» – слово не из моего словаря. Где я его подцепила, интересно? Сплош-ш-шное ш-ш-ш-ипение, а не слово... Я засмеялась.

– А что вы переводите? – спросил художник, поедая меня взглядом.

– Любовные романы, – хихикнула я и, кажется, подмигнула ему.

– Я буду писать с вас вакханку! – загорелся он. – В венке и с кубком! Нагую!

– Какую?! – Шлычкин схватил друга за грудки.

– Отстань! – отбрыкивался Башкирцев. – Я художник! А ты пошлый обыватель!

– Знаю я, какой ты художник!

– Какой, интересно?!

– Ребята! В Черном урочище около озера убили женщину, – печально сказал Гриша Блументаль.

Мы как по команде уставились на него. Художник даже рот раскрыл.

– Говорят, ритуальное убийство. Жертвоприношение.

– Когда? – выдохнул Башкирцев.

– Позавчера. Тринадцать ножевых ран, без одежды, завернута в черное покрывало. Неужели не слышали? Весь город гудит!

– У нас? Жертвоприношение? Блум, ты совсем охренел? – не поверил Башкирцев.

– В городе только и разговоров!

– Личность установили? – деловито спросил Шлычкин.

– Пока нет.

– Ну полный абзац! – эмоциональный Коля хватил кулаком по столу. – Уже и ритуальные убийства начались!

Я мгновенно протрезвела от слов Гриши Блументаля. Знаю я это озеро. Мы там часто бывали еще студентами. Мальчики, Тимур и Юра, разжигали костер, девочки накрывали стол – плед, расстеленный на траве. Мы даже танцевали под магнитофон. Тимур танцевал со всеми девочками по очереди, а Шлычкин... С кем танцевал Шлычкин? Не помню... У Тимура были шикарные джинсы и яркая голубая с золотом тишотка с изображением Нью-Йорка. Я

помню его бесконечные тосты, утрированный грузинский акцент... А Шлычкина, хоть убей, не помню! Ему бы разведчиком быть, а не банкиром. По молодости мы хохотали как ненормальные по любому дурацкому поводу. Я посмотрела на Шлычкина. Наши глаза встретились. Он, видимо, тоже вспомнил пикники на поляне...

Я представила себе, как эту женщину привезли в лес... ночью... Как в романе... не помню названия! Там героиня спаслась. В романах героини всегда спасаются. Черный ночной лес, полная луна, туман над озером, уханье филина... Я поежилась, страх скользнул по хребту. После холодного пива меня заколотил озноб. Видимо, перегрелась.

– В пятницу было полнолуние, – сказал Гриша.

– Разве? – удивился Шлычкин. – Не заметил.

– Я видел! – воскликнул Башкирцев. – Громадная луна, зеленая с темными пятнами, зловещая, потусторонняя, и свечение вокруг. Я еще подумал, что в такую ночь совершаются убийства. Ночь вампиров. И волки выли. Или собаки...

После его слов наступило долгое молчание. Прекрасный летний день померк. Я с трудом удерживала слезы. Алкоголь действует на меня по-разному. От белого вина мне становится жалко себя, от красного клонит в сон, от шампанского нападает сначала безудержное веселье с визгами и дурацким хохотом, а потом слезы. Литр пива – вообще кошмар! Я думаю, мой организм не способен расщеплять пивные дрожжи, иначе почему меня так развозит? Я чувствовала, что еще минута, и я разрываюсь от жалости к этой женщине...

– Я отвезу тебя домой, – сказал Шлычкин, поднимаясь.

Я не помню, как мы прощались. Помню только резкий запах лаванды от усатого художника, от которого меня замутило. И его теплые губы на моей руке. Б-р-р!

Дома мне стало совсем худо. Кажется, поднялась температура. Шлычкин засунул меня под душ, но так как вода была едва теплая, меня затрясло. Зубы выбивали дробь, тело дергалось, как в конвульсиях. Шлычкин вытер меня полотенцем и уложил в постель. Улегся рядом, крепко обнял и прижал к себе. У него было горячее тело, его сердце билось размеренно и гулко. Банкирское сердце. Я прижалась щекой к его сердцу, согрелась и уснула.

Глава 8

Тихий американец

Эрик Пауэрс, по прозвищу Тихий Американец, директор филиала американского рекламного агентства «Brown, Brown & Son», открытого в городе два года назад, был необыкновенно возбужден – несколько минут назад ему доставили посылку из Нью-Йорка. Сгорая от нетерпения, он торопливо разрезал ножницами оберточную бумагу. Эрик обожал рыбалку, и когда две недели назад увидел на сайте рекламу новых прекрасных моделей наживки из серии «Сделай сам», то сразу же заказал два комплекта. Две недели прошли как в тумане. Эрик с нетерпением ожидал заказ. И вот наконец посылка получена.

Дрожащими руками он снял грубую упаковочную бумагу, раскрыл коробку и замер от восторга. Коробка была наполнена полиэтиленовыми пакетиками с разноцветными нитками, птичьими перьями, мелкими бусинами, бисером и крашеными кусочками меха каких-то мелких, вроде норки, животных. К набору прилагалась толстая инструкция и красочный альбом готовой продукции.

Рома Мыльников, заместитель Эрика, по сути дела заправлявший всеми делами агентства, не скрывая презрения, смотрел на шефа.

– Рома, посмотри! – Эрик взволнованно уставился на помощника.

– Шикарный набор, шеф, – сказал тот скучно. – Даже лучше, чем в прошлый раз.

– Ты так думаешь?

– Absolutely³, – ответил Рома. – Поздравляю!

– Я начну, пожалуй, с этой, – Эрик показал Роме картинку с изображением большой красной мухи с зелеными крыльями и блестящими выпуклыми глазками. – Смотри, какая красавица!

Эрик Пауэрс не хватал звезд с неба, и поэтому, когда ему предложители поехать представителем агентства в заокеанскую страну, он сразу же согласился. И ни разу за два года не пожалел об этом. Сказочная страна! Цены за жилье просто смехотворные. Первоклассная еда. Красивые женщины. В самом шикарном ресторане города ужин на двоих с приличным шампанским – всего-навсего сотня баксов! А он, дурак, начитался газет и испереживался весь, что посылают черт знает куда. Оказалось, не так страшен черт, как его малюют. Вполне цивилизованная страна, особенно если есть доллары.

Счастливый случай свел его с брокером местной риелторской фирмы Ромой Мыльниковым. Проблемы Эрика на чужбине сразу же закончились, и он смог спокойно предаваться любимому делу – рыбалке и производству мух. За короткое время он достиг таких высот мастерства, что его мухи были достовернее настоящих. Эрик не только следовал моделям, разработанным дизайнерами, но и импровизировал. Менял цветовую гамму, ножки делал длиннее, крылья шире, глазки не из прозрачных бусин, а, допустим, из бисера. Словом, его творческой фантазии не было предела. На производство одной мухи уходило около четырех часов, почти весь рабочий день. Эрик, обложившись крошечными инструментами – щипчиками, ножничками, пинцетами, иголками, тюбиками с клеем и лаками, – забывал обо всем на свете. Это были часы ничем не замутненного счастья. Готовых мух Эрик складывал в специальные ящички-витрины с ячейками, сработанные по его аккуратным эскизам на местной мебельной фабрике. Удачная идея заказать витрины на мебельной фабрике принадлежала Роме – у него были там связи.

³ Конечно (англ.).

Рома как ангел-хранитель оберегал шефа от любых стрессов и делал все от него зависящее, чтобы Эрик не чувствовал себя одиноко, был занят и не совался куда не надо. Он привел в офис секретаршу Настю, которая умела печатать двумя пальцами и варить кофе. Настя была длинноногой, крупной, цветущей девушкой с пшеничной косой до пояса и глазами фарфоровой голубизны – настоящей славянской красавицей с календаря. Целыми днями она висела на телефоне, болтая с подружками. «Настия» – называл ее Эрик.

Рома привел также и главбуха Павла Степановича, пенсионера, всю жизнь проработавшего на той же мебельной фабрике. Сдав бизнес в руки Ромы и Павла Степановича, Эрик со всей страстью отдался любимому делу.

Тут можно было бы порассуждать о том, с какой легкостью Эрик Пауэрс, приличный молодой человек из приличной семьи, из небольшого городка Форт-Росс, что в штате Нью-Джерси, разложился, оказавшись вдали от родины. По мере разложения Эрик менял квартиры и автомобили, сорил деньгами, делал подарки Насте – начав с недорогого низкокаратного золотого колечка и закончив двухкомнатной квартирой в центре города. При этом он умудрялся также ежемесячно класть на свой счет изрядную сумму в Чейз Манхэттен банк. Откуда дровишки, спросите вы. В стране, где только ленивый не ворует, Эрик тоже стал воровать. Сначала с опаской, а потом все смелее, благо начальство было далеко.

Человек такая скотина, что привыкает ко всему.

Правильнее сказать, воровали Рома и Павел Степанович, который собаку съел на финансовых махинациях, а Эрик получал свою долю готовой, на блюдечке с голубой каемочкой. Сначала ему было страшно и стыдно, но, видимо, воздух такой у нас в стране, что порядочному человеку просто деваться некуда. Хочешь не хочешь, а приходится красть.

Схема «снятия излишков», как говорил Рома, была проста, как грабли, и заключалась в двойной бухгалтерии. Через агентство «Brown, Brown & Son» торговые компании Европы, Америки и Азии рекламировали свой товар на слабо освоенном восточноевропейском рынке. Стоимость услуг в отчетных документах была сильно завышена по сравнению с реальной. Разница, довольно приличная, делилась между соучастниками. Эрик получал сорок процентов, остальные – шестьдесят на двоих. И все были довольны. За два года набежало немало.

У каждого из преступной троицы была четко обозначенная роль – Эрик обеспечивал крышу и вел переговоры по телефону с фирмами – производителями товара, Рома договаривался о размещении рекламы, а Павел Степанович отвечал за бухгалтерию.

Через неделю Эрик отбывал домой на каникулы, впервые за долгих два года. Рома и Настя уже закупили чемодан подарков для семьи шефа. Всякие местные изделия, вроде расписных платков для матери и теток, самовара, ежевичной водки для мужчин и воблы, так полюбившейся Эрику под пиво. Эрик должен был провести с родителями целых десять дней. Он чувствовал, что очень изменился – сорил деньгами, не думал постоянно об уплате налогов, пил водку без содовой и кока-колы. Рома объяснил ему, что негоже портить хороший продукт всякими шипучими добавками. Родители его не узнают.

– Шеф, – перебил размышления Эрика Рома, появляясь на пороге кабинета, – картины будут готовы к вашему отъезду. Не три, как договаривались, а шесть. Четыре Колькины – я отсканировал им каталог, галерея платит по пять штук, и две еще одного парня, Саша Ренского. Помните, на выставке вам понравились? За шесть с половиной и четыре. Всего тридцать штук с половиной. Маринка подготовит сертификаты. Вас встретит в аэропорту представитель галереи, деньги наличными. Нам двадцать пять процентов за переброс. Это около восьми штук. Не бог весть что, но будем считать это дружеским жестом Кольке. А там посмотрим. Может, бизнес слепится.

– Хорошо-хорошо, – ответил Эрик, который уже слышал все это не раз. – Вы тут без меня смотрите, чтобы все было тип-топ.

– Все будет о'кей, шеф, расслабьтесь, – отвечал Рома. – Не подкачаем.

Глава 9

Культовый режиссер

Река находилась метрах примерно в двухстах от избы. Федор Алексеев вышел из кустов ивняка на песчаный неширокий берег и замер. День клонился к вечеру, небо над головой было белесым, как будто выцвело за долгий жаркий день, а на западе уже наливалось малиной. Стеклянная вода в реке стояла неподвижно, в ней отражались острые пики камыша и прибрежные кусты калины. У самой реки на песке сидела компания из семи человек – троих мужчин и четырех женщин – и азартно дулась в подкидного дурака, как определил Федор. Все были красные от солнца, разомлевшие от выпитого и радостно возбужденные игрой. Рев возвестил, что она закончена. Проигравший, вернее, проигравшая вздумала было удрать, но ее схватили за руки-ноги и, несмотря на протестующие вопли, потащили к реке. Раскачали, бросили в воду и тут же повалились в песок от хохота. Самый длинный из компании был, судя по описанию, Виталием Вербицким.

Федор с чувством, похожим на зависть, наблюдал за играми актеров на пленэре, а в том, что это именно они, актеры, он не сомневался. Чувствовалось, что компания спетая, подлинное актерское братство без обычных в театральной среде зависти и ревности. Так ему показалось, во всяком случае. Он переждал смех и подошел к компании.

Длинный парень вопросительно посмотрел на Федора. В его глазах промелькнула настороженность. Алексеев представился.

– Чем обязаны? – спросил Виталий звучным голосом. Он был похож на породистого жеребца – сильный, широкоплечий, длинноногий. Его белые волосы были заплетены в косичку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.